

Н. С. Громова
Екатеринбург, Россия

КОНСТИТУИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ понятийного аппарата в рамках исследования специфики экстремистского дискурса. Выявляется взаимная обусловленность терминов «дискурс» и «текст», определяемых в рамках исследования как процесс и результат коммуникативной и когнитивной деятельности. Экстремистский дискурс (или дискурс экстремизма) активно формируется под влиянием современных коммуникативных тенденций: субъектная неограниченность, полинаправленность коммуникативного акта, использование интерактивных технологий, бесконтактное общение, объемный поток разноплановой информации и ее неверифицируемость в рамках среднестатистических взаимодействий. С целью установления конституирующих признаков современного экстремистского дискурса осуществляется его деление на ядерный и периферийный виды с учетом специфики субъектов и предмета коммуникации, ситуации общения. Ядерный экстремистский дискурс представляет собой систему знаний, тактик и стратегий организации коммуникации, обусловленную когнитивным и аксиологическим единообразием, с целью обеспечения успешного бытования экстремистского текста в условиях замкнутого группового общения. Периферийный экстремистский дискурс направлен на успешное бытование экстремистского текста в условиях открытого межличностного общения. Особенности бытования экстремистского дискурса анализируются с учетом характеристики его видовых особенностей. Также исследуются причины адаптивности формального и содержательного контента экстремистского дискурса при условии измененных параметров потенциальной аудитории, трансформации средств манипулирования и каналов информационного воздействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экстремистский дискурс; экстремизм; ядерный дискурс; периферийный дискурс; вербальный экстремизм.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Громова Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и социальных дисциплин, Уральский институт коммерции и права; 620075, Россия, Екатеринбург, Луначарского, д. 81; e-mail: gromovans@mail.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

С середины XX в. все более актуальными становятся дискуссии по вопросам межкультурных отношений. С развитием международных связей и присоединением к ним новых участников, ранее находившихся в стороне от магистральных взаимодействий, все более четко наблюдаются две полярные тенденции в построении отношений с государствами-соседями: желание сформировать мультикультурное пространство и стремление сохранить собственную культурную идентичность. Вопросы этнических, национальных, расовых, религиозных взаимоотношений оказываются в центре внимания не только на международной арене, но и на внутривнутриполитической. Особенно злободневным становится решение этих вопросов в многонациональных государствах, где представители различных групп находятся в постоянном контакте. Разногласия между гражданами могут привести к социальной агрессии, актам нетерпимости внутри государства и, как результат, серьезным политическим конфликтам со странами-соседями.

С целью содействия миру и устойчивому развитию сотрудничества между государствами необходимо выработать принципы взаимопонимания не только в политической и экономической сферах, но и в культурной. Однако в этом вопросе недостаточно принятия законов, требуется комплексный подход, позволяющий произвести смену не только формальных отношений, но и менталитета населения. Первоначальным этапом всех

изменений должен стать мониторинг сложившейся ситуации и выявление реальных ценностных установок граждан для осуществления превентивной деятельности в отношении нагнетания напряженности в обществе. Языковые средства и коммуникативные стратегии выступают наиболее верифицируемыми инструментами репрезентации этих установок на начальном этапе формирования новых убеждений, что обуславливает приоритетный характер лингвистических исследований.

Одной из современных тенденций становится формирование поля негативно ориентированной коммуникации. Ученые выделяют «дискурс ненависти» как «процесс (вос)производства устных и письменных текстов с эмоционально-смысловой доминантой «ненависть»» [Колосов 2004]; «дискурс агрессии» как разновидность социокультурного дискурса, когда агрессия воспроизводится посредством речевого общения [Радченко 2002]; «дискурс вражды» как «коммуникативные отношения, в рамках которых индивиды или группы находятся в состоянии длительного целенаправленного противостояния» [Фурсов 2015].

В данной работе мы обратимся к анализу наиболее серьезной угрозы социальным отношениям — экстремизму. Экстремистский дискурс (или дискурс экстремизма) активно формируется под влиянием современных коммуникативных тенденций: субъектная неограниченность, полинаправленность комму-

никативного акта, использование интерактивных технологий, бесконтактное общение, объемный поток разноплановой информации и ее неverifiedируемость в рамках среднестатистических взаимодействий и пр.

К анализу данного явления обращаются такие исследователи, как М. А. Бутаева, М. Б. Ворошилова, Л. М. Ермакова, Г. К. Касьянов, А. М. Плотникова, В. А. Салимовский, Е. В. Сальников, Т. А. Сидорова, А. А. Степанова, О. В. Филимонов, Л. Г. Фишман, Л. В. Ярмоленко и ряд других. Понимая дискурс вслед за В. И. Карасиком как «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [Карасик 2002], мы предполагаем возможность выделения экстремистского дискурса в качестве самостоятельного, поскольку он обладает всеми необходимыми структурными элементами. Однако можем отметить, что при разных видах экстремистского дискурса субъектами коммуникации выступают разные лица и их речевое поведение имеет особенности.

Под дискурсом понимаются в современных исследованиях разнообъемные понятия: «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990], «текст, соотносимый с ситуацией общения, с системой коммуникативно-прагматических установок, с когнитивными процессами его порождения и восприятия; интегрированный в интертекстуальное пространство» [Карамова 2013], «вербализация определенной ментальности» [Михалева 2002], «когнитивно обусловленная система знаний, операций, стратегий текстового построения» [Чернявская 2013] и т. д. В процессе установления дискурсивных особенностей применяются как методы лингвистического, так и психологического, социологического, философского и иного анализа, что обеспечивает и определенную разноплановость результатов.

Мы предполагаем возможным характеризовать экстремистский дискурс через соотношение понятий «текст» — «дискурс». На взаимосвязь этих терминов указывает Е. С. Кубрякова: «...под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, ...текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [Кубрякова 1995: 164]. В нашем понимании «экстремистский текст» является репрезентацией отдельных особенностей экстремистского дискурса, а совокупность таких текстов — репрезента-

цией его системных особенностей. Для изучения специфики экстремистского дискурса мы должны обращаться к его фиксации, поскольку сам процесс конструирования для наблюдателя остается сущностью гипотетической, а не объективно данной, в отличие от готового продукта, т. е. текста.

В результате представляется возможным определить экстремистский дискурс как две взаимосвязанные сущности: ядерную и периферийную. Ядерный экстремистский дискурс представляет собой систему знаний, тактик и стратегий организации коммуникации, обусловленную когнитивным и аксиологическим единообразием, с целью обеспечения успешного бытования экстремистского текста в условиях замкнутого группового общения. Периферийный экстремистский дискурс представляет собой систему знаний, тактик и стратегий организации коммуникации, обусловленную когнитивным и аксиологическим многообразием, с целью обеспечения успешного бытования экстремистского текста в условиях открытого межличностного общения. Каждая из сущностей представляет особую категорию: ядерная — замкнутая и недоступная для лиц, не являющихся частью группы; периферийная — открытая и как раз направленная именно на представителей аутгруппы с целью их инициации или единоразового привлечения к деятельности. Коммуникативные стратегии, используемые для достижения поставленных целей, представляются также различными. В первом случае основной представляется ориентация на изоляцию, часто с применением «тайного» языка или его элементов, когда расшифровка содержания доступна только криптологам. Во втором случае можно говорить об использовании «массового» языка, изобилующего не столько терминами и понятиями, сколько концептами с нечетким ядром и широкой периферией эмоционально-образных связей.

Исследователь Т. А. Сидорова, определяя термин, указывает на некоторые особенности данного вида дискурса: «...своеобразный текст культуры, призванный сформировать в сознании носителей культуры определенные структуры знаний: пропозиции, пресуппозиции, сценарии, ассоциации, образные представления, ценностные установки, мотивировку дальнейшего поведения и т. п.» [Сидорова 2016]. Она отмечает, что только при взаимодействии языкового и концептуального содержания адресат может воспринять смысл. Мы также отмечаем воздействие концептуальных знаний на процесс восприятия передаваемой информации. Концептуальные знания, относящиеся, по

терминологии А. М. Каплуненко, к сфере «Дискурса различий» [Каплуненко 2007], не являются конвенциональными, что предоставляет интерпретативный простор в поле индивидуального познания и обеспечивает размытость исконного кода с точки зрения его соответствия нормативным требованиям. Так, в процессе анализа текстов была установлена закономерность возможной полярности их интерпретации в зависимости от доминирующих дискурсивных характеристик. Принципиально важной особенностью можно считать смену семантики с нейтральной на экстремистски окрашенную без трансформации основных компонентов текста, что значительно затрудняет формальную идентификацию реального содержания. Контекст, по справедливому утверждению Г. В. Колшанского, выводится из языковой структуры и приобретает «роль интерпретатора высказывания» [Колшанский 1980]. При этом контекст в отношении экстремистских текстов выполняет функцию замещения, что позволяет автору скрыть основной массив запрещенной информации в контекстном поле и направить его для массового распространения без каких-либо цензурных ограничений. В качестве знакового элемента может выступать название материалов, подбор иллюстраций, звуковое сопровождение, привлечение социально значимых «мемов» и проч. Важным становится не столько сам элемент, сколько его идеологическая нагрузка в отдельно взятый момент современной действительности.

На этот факт указывает и исследователь В. И. Сальников. Анализируя особенности экстремистского дискурса, он рассматривает понятие как «некий мысленно-речевой континуум, объединяющий идеологические концепты и тот эмоционально-психологический фон, что способствует их массовому восприятию» [Сальников 2007: 317]. Так, использование не нейтральных, а идеологически нагруженных концептов дает возможность автору перевести основную часть «запрещенной» информации в имплицитное поле, но сохранить при этом пафос собственного повествования.

Можно утверждать, что в рамках ядерной составляющей экстремистского дискурса используются такие идеологические маркеры, содержание которых невозможно идентифицировать простому обывателю. Специальные семантические доминанты могут быть верно интерпретированы только непосредственными членами экстремистской группы. В противовес этому периферия экстремистского дискурса построена на общеизвестных фактах и широко распространена

ной информации, которая вызывает интерес большого количества даже опосредованных участников коммуникации. Безусловно, максимально востребованными оказываются актуальные происшествия и новостные сообщения. Так, после убийства чемпиона по пауэрлифтингу в г. Хабаровске, произошедшего в августе 2017 г., в Интернете резко увеличилось количество призывов к совершению противоправных действий по национальному признаку, так как участники конфликта имели разную национальную принадлежность. В связи с проведением выборов губернатора Свердловской области, которые были назначены на 10 сентября 2017 г., повысился процент контента с политическими призывами.

Стоит отметить, что проявление экстремизма в речевом поле становится более частотным с развитием современных способов удаленной и бесконтактной коммуникации. Возможность перехода к виртуальному общению в интернет-пространстве предоставила коммуникантам значительно больше свободы, позволяющей не только проявлять креативность и иные личностные характеристики, но и обеспечивающей заинтересованных в противоправной деятельности лиц широким кругом потенциальных последователей.

Таким образом, в качестве конституирующих признаков современного экстремистского дискурса с учетом его ядерной или периферийной составляющей можем выделить следующий ряд. Первичным признаком по отношению ко всем остальным является локативно-темпоральная предзаданность содержательного наполнения. Каждый дискурс представляет собой определенный исторический отпечаток жизнедеятельности конкретного общества, что отражается в тематике и символизме текстов, репрезентирующих его особенности. Невозможно использование неактуальной информации с целью поддержания продуктивной коммуникации как внутри группы, так и за ее пределами. Так, современный экстремистский дискурс определяется сиюминутными интересами и потребностями населения конкретного ареала обитания. Следовательно, в рамках данного исследования можно говорить о контенте, ограниченном пределами информационного поля Российской Федерации и отвечающем актуальным общественным настроениям. При смене социальных запросов автоматически должен меняться и экстремистский дискурс, в противном случае он будет неактуален, а значит, и недейственен. Так, в 90-е гг. наиболее действенной была пропаганда на противопоставлении неразвитости России и передовом положении Запада. Однако

с ростом патриотических настроений и изменением европейского положения, ростом там нестабильности такой путь стал неэффективным. В связи с этим происходит и смена идеологического вектора в рамках экстремистской деятельности: увеличение псевдопатриотической пропаганды насилия. Эти характеристики указывают на еще один важный признак — адаптивность дискурса. Адаптация происходит как в сфере содержания, так и формы. Новые технологии активно заимствуются экстремистами: группы «ВКонтакте», веерная рассылка, интерактивные форумы и прочее. Нужно оговориться, что в рамках ядра дискурса, конечно, сохраняется личное общение между участниками запрещенной деятельности, но при периферийном общении наблюдается практически полный уход от печатной продукции и замена ее интернет-контентом, что отражено в содержании Федерального списка экстремистских материалов.

Особо необходимо рассмотреть категорию институциональности, поскольку в ядре и периферии она представлена по-разному. Первый вид реализует данную категорию и является институциональным, так как экстремистские организации обладают иерархичностью, обеспечивающей статусно-ролевое взаимодействие участников. В противовес этому, периферия является неинституциональным образованием, что говорит об отсутствии этого признака в ее характеристиках. Только свободное, псевдоравноправное общение может способствовать налаживанию контакта. Конечно, стоит отметить, что любой акт вербального экстремизма невозможен без реализации принципов персуазивной коммуникации за пределами рационально-логической аргументации, но сохранение формально полноценного субъект-субъектного общения является имманентной характеристикой.

Персонализацию информации можно считать ключевым признаком любых форм коммуникации в сфере экстремистского дискурса. Каждое сообщение должно иметь пусть и условного, но конкретного автора, имеющего свою историю и собственный негативный жизненный опыт. Третье лицо как «виртуальный потерпевший» почти исчезает из пропаганды, заменяясь «активным участником» событий. Так, не «друг моего соседа», а «я» актуализируется в современном экстремистском дискурсе. Нужно отметить, что активность такого субъекта в виртуальном пространстве придает ему достаточное сходство со всеми остальными реальными участниками коммуникации и обеспечивает некоторое доверие, особенно со

стороны неопытных пользователей Интернета, не обладающих специальными знаниями. Так, даже в рамках периферийного общения наблюдается достаточно серьезная расслоенность дискурсивных характеристик в зависимости от группы потенциальных адресатов. В процессе общения с молодыми людьми чаще используется агитационно-побудительная стратегия, при взаимодействии с более взрослыми оппонентами — пропагандистская.

Таким образом, характеризуя экстремистский дискурс, мы должны понимать, что его конституирующие признаки явно свидетельствуют о мобильности самого явления и его постоянной трансформации с учетом целей адресанта, а также возможностей и потребностей адресата в рамках общественно-политической ситуации в государстве. Невозможно сформировать долговременную устойчивую модель данного вида дискурса, наиболее релевантным представляется в соответствии с выделенными конституирующими признаками анализировать конкретные репрезентации отдельных особенностей экстремистского дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136—137.
2. Карамова А. А. Текст и дискурс: соотношение понятий // Вестн. Юж.-Урал. госун-та. Сер. «Лингвистика». 2013. № 2. С. 19—23.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: моногр. — Волгоград: Перемена, 2002. 390 с.
4. Каплуненко А. М. Концепт — понятие — термин: эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур. — Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2007. С. 115—120.
5. Колосов С. А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 2004. 156 с.
6. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. — М.: Наука, 1980. С. 25—26.
7. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. — М.: Рос. гуманит. ун-т, 1995. С. 144—238.
8. Михалева О. Л. Политический дискурс: способы реализации агональности // Построение гражданского общества: материалы междунар. гуманит. конгр. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2002. С. 96—105.
9. Радченко В. В. Дискурс агрессии в контексте социального взаимодействия: дис. ... канд. филос. наук. — Хабаровск, 2002. 167 с.
10. Сальников В. И. Дискурс экстремизма в правосознании переходных обществ // Вторые Всерос. Державин. чтения (Москва, 9—10 нояб. 2006 г.): сб. ст. — М.: РПА МЮ РФ, 2007. С. 316—319.
11. Сидорова Т. А. Язык символов как стилистическая особенность экстремистского дискурса в интернет-коммуникации // Гуманитарные науки и проблемы современной коммуникации: материалы 4-й Междунар. науч.-практ. междисциплинар. интернет-конф. (10—16 мая 2016 г.). URL: http://philology.s-vfu.ru/?page_id=1221.
12. Фурсов К. К. Дискурс вражды: понятие и современные практики // Дискурс-Пи. 2015. № 1 (18). С. 25—30.
13. Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве: учеб. пособие. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 232 с.

N. S. Gromova
Ekaterinburg, Russia

CONSTITUTIVE SIGNS OF EXTREMIST DISCOURSE

ABSTRACT. *The paper analyzes the notions belonging to research area of extremist discourse. Interdependence of the terms “discourse” and “text” is argued; they are defined in this research as the process and result of communicative and cognitive activities. Extremist discourse (or discourse of extremism) is built under the influence of modern communicative trends: subjective unrestrictedness, polydirection of communicative act, the use of interactive technologies, contact-free communication, a flow of different information and inability to verify it in typical communication. To determine constitutive signs of contemporary extremist discourse it is divided into nuclear and peripheral types with regard to the features of the participants, topic of communication and communicative situation. The nuclear extremist discourse is a system of knowledge, tactics and strategies of communication characterized by cognitive and axiological consistency to provide successful development of an extremist text in communication within the group. The peripheral extremist discourse aims at successful development of an extremist text in the open interpersonal communication. The peculiarities of extremist discourse are analyzed with regard to the features of its types. The reason for quick adaptation of the structure and content of extremist discourse to the change of the addressees is analyzed, as well as transformation of manipulation means and channels of information persuasion.*

KEYWORDS: *extremist discourse; extremism; nuclear discourse; peripheral discourse; verbal extremism.*

ABOUT THE AUTHOR: *Gromova Natalia Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of State-Legal and Social Subjects, Ural Institute of Commerce and Law, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Diskurs // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. — M. : Sov. entsiklopediya, 1990. S. 136—137.
2. Karamova A. A. Tekst i diskurs: sootnoshenie ponyatiy // Vestn. Yuzh.-Ural. gosun-ta. Ser. «Lingvistika». 2013. № 2. S. 19—23.
3. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs : monogr. — Volgograd : Peremena, 2002. 390 s.
4. Kaplunenko A. M. Kontsept — ponyatie — termin: evolyutsiya semioticheskikh sushchnostey v kontekste diskursivnoy praktiki // Aziatsko-Tikhookeanskiy region: dialog yazykov i kul'tur. — Irkutsk : Izd-vo IGLU, 2007. S. 115—120.
5. Kolosov S. A. Konstruirovaniye sotsial'noy nenavisti v diskurse : dis. ... kand. filol. nauk. — Tver', 2004. 156 s.
6. Kolshanskiy G. V. Kontekstnaya semantika. — M. : Nauka, 1980. S. 25—26.
7. Kubryakova E. S. Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) // Yazyk i nauka kontsa XX veka. — M. : Ros. gumanit. un-t, 1995. S. 144—238.
8. Mikhaleva O. L. Politicheskii diskurs: sposoby realizatsii agonal'nosti // Postroyeniye grazhdanskogo obshchestva : materialy mezhdunar. gumanit. kongr. — Irkutsk : Izd-vo Irkut. gos. ped. un-ta, 2002. S. 96—105.
9. Radchenko V. V. Diskurs agressii v kontekste sotsial'nogo vzaimodeystviya : dis. ... kand. filos. nauk. — Khabarovsk, 2002. 167 s.
10. Sal'nikov V. I. Diskurs ekstremizma v pravosoznanii perekhodnykh obshchestv // Vtorye Vseros. Derzhavin. chteniya (Moskva, 9—10 noyab. 2006 g.) : sb. st. — M. : RPA MYu RF, 2007. S. 316—319.
11. Sidorova T. A. Yazyk simvolov kak stilisticheskaya osobennost' ekstremistskogo diskursa v internet-kommunikatsii // Gumanitarnye nauki i problemy sovremennoy kommunikatsii : materialy 4-y Mezhdunar. nauch.-prakt. mezhdistsiplinar. internet-konf. (10—16 maya 2016 g.). URL: http://philology.svfu.ru/?page_id=1221.
12. Fursov K. K. Diskurs vrazhdy: ponyatie i sovremennye praktiki // Diskurs-Pi. 2015. № 1 (18). S. 25—30.
13. Chernyavskaya V. E. Tekst v medial'nom prostranstve : ucheb. posobie. — M. : Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2013. 232 s.